

АЛЕКСАНДР КОЛЧАК

Я БЫЛ ВЕРХОВНЫМ ПРАВТЕЛЕМ

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ

Александр Васильевич Колчак
Я был Верховным
Правителем... Протоколы
заседания Чрезвычайной
Следственной Комиссии
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70367122

*Я был Верховным Правителем... Протоколы заседания Чрезвычайной
Следственной Комиссии: Родина; Москва; 2024
ISBN 978-5-00222-274-2*

Аннотация

Фигура адмирала Колчака за более чем век, прошедший после его смерти, обросла огромным количеством мифов. Пристрастный взгляд видит в нем либо исследователя-полярника и героя русско-японской и Первой Мировой войн, либо палача сибирских крестьян и марионетку в руках Антанты.

Он не оставил мемуаров, поэтому, казалось бы, мы можем довольствоваться лишь сторонними оценками. Однако жизнеописание Колчака от первого лица все же существует. После того, как в январе 1920 года восставшие чехословаки передали

«Верховного Правителя» иркутскому Политцентру, он был допрошен Чрезвычайной Следственной Комиссией, созданной для производства расследований по делам высших должностных лиц свергнутого сибирского правительства. Эти допросы можно считать предсмертной исповедью адмирала – сразу после их завершения он был расстрелян.

В этой книге приведены протоколы заседаний ЧСК, длившихся с 21 января по 6 февраля 1920 года.

Содержание

Предисловие. Это вульгарная защита демократии...	6
Дредноуты у нас еще не были готовы...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Александр Колчак
Я был Верховным
Правителем... Протоколы
заседания Чрезвычайной
Следственной Комиссии**

© Колчак А.В., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

* * *

Предисловие. Это вульгарная защита демократии...

Мне пришлось участвовать в допросах Колчака, производившихся Чрезвычайной Следственной Комиссией в Иркутске. Созданная эсеро-меньшевистским «Политическим Центром»¹, комиссия эта затем, с переходом власти к Ревкому, была реорганизована в Губернскую Чрезвычайную Комиссию; состав же Комиссии, допрашивавшей Колчака, оставался

¹ «Политическим Центром» называлось объединение или блок нескольких политических организаций Сибири, территориально охватывающий губернии: Томскую, Енисейскую и Иркутскую и области: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую. Основными организациями, образовавшими «Политический Центр», были следующие: 1) земское политическое бюро, 2) центральный комитет объединения трудового крестьянства, 3) краевой комитет партии с. – р... 4) бюро сибирских организаций Р.С.Д.Р.П. Основными политическими лозунгами этого блока были: 1) мир с Советской Россией, 2) борьба с интервенцией, 3) отказ от политических группировок с цензовыми элементами. Задачей политцентра по ликвидации колчаковщины было образование демократической государственности – буфера, на который эс-эры и меньшевики возлагали тайные надежды: они рассчитывали использовать буфер для опоры в борьбе с Советской властью, «Политический центр» просуществовал после свержения колчаковского правительства около двух недель, передав власть большевистскому Ревкому. Земское политическое бюро представляло собою политическое объединение демократических земств Сибири. Начало организации земского политического бюро относится к октябрю 1919 года. Наиболее видным представителем этой организации был известный эс-эр Колосов, автор книги «Сибирь при Колчаке». (Петр., 1923.)

ся неизменным до самого последнего дня допроса. Ревком совершенно сознательно сохранил его, несмотря на то, что в этом составе был меньшевистовавший Денике и два правых эс-эра – Лукьянчиков и Алексеевский. Все эти лица были полезны для допроса уже тем, что близко знакомы были с работой колчаковского правительства и к тому же прямо или косвенно участвовали в подготовке иркутского выступления против него, в нанесении ему последнего удара, результаты которого были уже предрешены вступлением в Сибирь Красной армии и взятием ею колчаковской столицы – Омска. При наличии этих лиц в Следственной Комиссии больше развязывался язык у Колчака: он не видел в них своих решительных и последовательных врагов. Самый допрос Колчака, арестованного или, вернее, переданного «Политическому Центру» из рук в руки чехо-словаками – если не ошибаюсь – 17 января 1920 года, начался накануне передача власти «Политическим Центром» Ревкому, и, следовательно, все допросы, считая со второго, производились уже от имени Советской, а не эс-эро-меньшевистской власти.

Комиссия вела допрос по заранее определенному плану. Она решила дать путем этого допроса историю не только самой колчаковщины в показаниях ее верховного главы, но и автобиографию самого Колчака, чтобы полнее обрисовать этого «руководителя» контр-революционного наступления на молодую Советскую республику. Замысел был правильный, но его выполнение доведено до конца не бы-

ло. События на еще не ликвидированном Фронте гражданской войны, висевшая несколько дней над Иркутском угроза временного захвата города подоспевшими остатками колчаковских банд, вынудили Ревком расстрелять Колчака в ночь с 6 на 7 Февраля вместо предполагавшейся его отправки после следствия на суд в Москву. Допрос поэтому оборвался там, где начиналась его самая существенная часть – колчаковщина в собственном смысле, период диктатуры Колчака, как «верховного правителя». Таким образом, обстоятельства сложились так, что историко-биографический характер допроса в силу случайных обстоятельств привел к отрицательным результатам. Допрос, несомненно, дал недурной автопортрет Колчака, дал авто-историю возникновения колчаковской диктатуры, дал ряд характернейших черт колчаковщины, но не дал полной, исчерпывающей истории и картины самой колчаковщины.

Последний допрос производился 6 Февраля, днем, когда расстрел Колчака, по существу говоря, был уже решен, хотя окончательного приговора вынесено еще не было. О том, что остатки его банд стоят под Иркутском, Колчак знал. О том, что командным составом этих банд предъявлен Иркутску ультиматум выдать его, Колчака, и его премьер-министра Пепеляева², Колчак тоже знал, а неизбежные для него по-

² Пепеляев В.Н. – бывший член 4-й Государственной Думы. Кадет. Во время империалистической войны работал на фронте в питательном отряде. С первых дней Февральской революции был комиссаром Временного правительства в Кронштадте, но в июльские дни вынужден был уйти и снова отправился

следствия этого ультиматума он предвидел. Как раз в эти дни при обыске в тюрьме была захвачена его записка к сидевшей там же, в одном с ним одиночном корпусе, его жене Тимиревой. В ответ на вопрос Тимиревой, как он, Колчак, относится к ультиматуму своих генералов, Колчак отвечал в своей записке, что он «смотрит на этот ультиматум скептически и думает, что этим лишь ускорится неизбежная развязка». Таким образом, Колчак предвидел возможность своего расстрела. Это отразилось на последнем допросе. Колчак был настроен нервно, обычное спокойствие и выдержка, которыми отличалось его поведение на допросах, его покинули. Несколько

на фронт. После Октября принял участие в тайных противосоветских организациях; был членом московского «Национального центра», которым и был направлен в Сибирь, и здесь принял активное участие в подготовке и осуществлении колчаковского переворота, благодаря этому он скоро выдвинулся, занимая в колчаковском правительстве последовательно посты: сначала директора департамента милиции, потом товарища министра внутренних дел, затем министра внутренних дел, и наконец, уже в период агонии колчаковской власти, премьер-министра. В качестве последнего Пепеляев мечтал примирить колчаковское правительство с мелко-буржуазной «общественностью», в лице руководителей земств и городских дум Сибири. С этой целью он готов был пожертвовать даже Колчаком, заменивши его своим братом, генералом Пепеляевым, на войска которого он рассчитывал опереться в случае упорства Колчака в вопросе об уступках «общественности». Попытки Пепеляева создать правительство «общественного доверия» не имели успеха, и Пепеляев, уехавши из Иркутска к Колчаку, уже покинувшему Омск и продвигавшемуся отдельный литерным поездом в Иркутск, оказался не только без поддержки «общественности», но и без правительства. Вместе с Колчаком он был арестован и заключен в тюрьму. По постановлению Иркутского воен. Ревкома Пепеляев был расстрелян одновременно с Колчаком. Умирал Пепеляев как жалкий трус, моля о пощаде.

нервничали и сами допрашивавшие. Нервничали и спешили. Нужно было с одной стороны закончить определенный период истории колчаковщины, установление колчаковской диктатуры, а с другой – дать несколько зафиксированных допросом ярких проявлений этой диктатуры в ее борьбе со своими врагами не только революционного, но и право-социалистического лагеря – лагеря тех, кто эту диктатуру подготовил. Это, значительно забегаая вперед от данной стадии вопроса, сделать удалось, но удалось в очень скомканном виде.

На этом последнем допросе Колчак. очень нервничая, все-таки проявил большую осторожность в показаниях; он остерегался и малейшей возможности дать материал для обвинения отдельных лиц, которые уже попали или могли еще попасть в руки восстановленной Советской власти, и – малейшей возможности обнаружить, что его власть, направленная на борьбу с исчадием ада – большевиками, дышащими только насилием и произволом, сама могла действовать вне всякого закона, боялся, как бы его допрос не помог дернуть с этой власти покров, которым он старался ее прикрыть в течение всех своих показаний, – покров неуклонного стремления к законности и порядку.

В.И. Ленин в своей речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства говорил:

«Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная

защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит».

Комиссия, выясняя некоторые яркие факты из области насилий, производившихся Колчаком и колчаковской военной, несомненно, до некоторой степени, впала в тон такого «довольно неумного порицания Колчака». Но слишком живо чувствовались тогда в Сибири это насильничанье и преследования, чтобы можно было говорить о них с Колчаком, сохраняя то отношение к нему, которое рекомендует нам В.И. Ленин. Важна, однако, не эта черта допросов, а важно то отношение, которое проявляет сам носитель военной, типично-фашистской контр-революционной диктатуры к актам насильничания. Если комиссия была склонна «довольно неумно порицать за них Колчака», то сам Колчак все время обнаруживает стремление либо замазать эти акты, либо свалить их на бесчинства отдельных лип, и групп вопреки воле диктатора и его правительства, либо найти им законное оправдание. Совершенно откровенно, рисуя себя безоговорочным сторонником и проводником идеи противопоставления белогвардейской военной диктатуры диктатуре большевиков, он не хочет, не имеет мужества принять на себя всю ответственность за все последствия этой диктатуры, за те способы ее осуществления, которые были для нее и неизбежны, и единственно возможны.

Белогвардейская военная диктатура (это отчетливо видно из показаний Колчака) из диктатуры централизован-

ной превратилась в диктатуру отдельных генералов и каза- чьих атаманов, из насилия, твердо руководимого из едино- го центра, – в насильничество над Сибирью отдельных ша- ек, ускользнувших от подчинения «верховному правителю» и его правительству. Но она все-таки была единой диктату- рой, сверху донизу, строящейся по одному и тому же об- разцу, действующей одними и теми же методами. И разли- ца между верхом и низами этой диктатуры была только од- на: верх стремился стыдливо прикрыть в глазах своих руко- водителей – империалистических держав Антанты – то, что совершенно свободно, открыто, без всякого намека на стыд- ливость, развертывали в своей «работе» низы с их контр- разведками и караульными отрядами; с их Волковыми, Кра- сильниковыми и Анненковыми.

Эта разница сказалась в показаниях Колчака. Он давал их не столько для допрашивавшей его власти, сколько для бур- жуазного мира. Он знал, что его ожидает. Ему не было нуж- ды что-либо скрывать для своего спасения. Спасения он не ждал, ждать не мог и не делал ради него попытки хватать- ся за какие бы то ни было соломинки. Но ему нужно было пе- ред лицом буржуазного мира показать себя действовавшим против врагов этого мира, против пролетарской революции, твердо, решительно, но в то же время в рамках буржуазной легальности. Он плохо знал тот буржуазный мир, на защи- ту которого был выдвинут англо-французскими империали- стами. Он не знал, что та диктатура, которую он возглавлял

в Сибири и которую так неудачливо стремился распространить на всю страну, – образец, и подобие западно-европейского фашизма, диктатуры фашистской, выдвигаемой самим буржуазным миром, перед которым он «хочет показать себя носителем законности и порядка, самодовольно неумно порицая Семеновых, Калмыковых и проч., и проч. за то, что они без всякой законности и без всякого порядка насильничали над рабочими, расстреливали, пороли и т. д.

Та же неумная стыдливость перед буржуазным миром заставляет Колчака скромничать и в другом отношении: он никак, даже в отношении далекого прошлого, не хочет признать себя монархистом. И свой монархизм, монархические цели всей своей борьбы с большевизмом он прикрывает флером устремлений демократических, – опять ради буржуазного мира и благодаря плохому пониманию этого мира.

Если исключить эти характерный черты показаний Колчака и помнить уже отмеченную нами боязнь его дать материал для обвинения своих сотрудников, помощников и слуг, то следует признать, что показания Колчака, в общем и целом, в достаточной мере откровенны.

Как держался он на допросах? Держался, как военно-пленный командир проигравшей кампанию армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством. Этим он резко отличался от большинства своих министров, с которыми мне приходилось иметь дело в качестве следователя по делу колчаковского правительства. Там была, за редким

исключением, трусость, желание представить себя невольными участниками кем-то другими затеянной грязной истории, даже изобразить себя чуть не борцами против этих, других, превращение из вчерашних властителей в сегодняшних холопов перед победившим врагом. Ничего этого в поведении Колчака не было.

Но в одном он близко подходит к своим гражданским соратникам, разделявшим с ним пребывание в одиночном корпусе иркутской тюрьмы. Все они, как на подбор, были совершеннейшими политическими ничтожествами. Ничтожеством в политическом отношении был и их глава – Колчак. Его показания обнаруживают и это с достаточной ясностью. Он – политически безличная фигура. Он – простая игрушка в руках держав Антанты. У него, с его голой идеей военной диктатуры и скрытой мыслью восстановления монархии, нет никакой политики, кроме той, которая диктуется ему противоречивыми влияниями и этих держав, и окружающих его групп и группочек военщины и торгово-промышленных кругов, с их сомнительного качества политическими руководителями. В этих противоречивых влияниях он безнадежно путается и запутывается тем больше, чем сильнее становится напор наступающей Красной армии, пока, наконец, не предается своими же вчерашними союзниками – чехо-словаками, конечно, с ведома тех же держав Антанты, поставивших его во главе контр-революции.

Ограничиваюсь этими краткими замечаниями.

Как бы ни расценивать постановку допроса Колчака и его показания, опубликование их, несомненно, даст не мало ценного для всякого, желающего изучить историю контр-революции, и уж, конечно, для всякого историка ее.

К. Попов

**Дредноуты у нас еще
не были готовы...**
**Заседание чрезвычайной
следственной комиссии**
21-го января 1920 г

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя: К.А. Попова, заместителя председателя В.П. Денике, членов комиссии: Г.Г. Лукьянчикова и Н.А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Попов. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Колчак. Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске, – его называли Всероссийским,

но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Попов. Здесь добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак. Она – моя давнишняя хорошая знакомая; она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам – больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней, и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Попов. Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой? Мы не имеем право зафиксировать этого?

Колчак. Нет.

Алексеевский. Скажите нам фамилию вашей жены.

Колчак. Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году здесь, в Иркутске, в марте месяце. Моя жена – уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным следователем или членом каменец-подольского суда. Он умер давно; я его не видал и не знал. Отец, мой, Василий Иванович Колчак. служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустовском за-

воде, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя – Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился, а затем служил в артиллерии и в Горном Институте. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра – Екатерина; была еще одна маленькая сестра – Любовь, но она умерла еще в детстве. Сестра моя Екатерина замужем. Фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России; где она находится в настоящее время, я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса; затем в 1888 году я поступил в морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году. В морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске,

меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне было тогда 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для первых пяти или шести первых выходящих, и они получались по старшинству.

По выходе из корпуса в 1894 году я поступил в петроградский 7-й флотский экипаж; пробыл там несколько месяцев, до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу за границу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер «Рюрик» ушел на восток, и здесь, во Владивостоке, я ушел на другой крейсер «Крейсер», в качестве вахтенного начальника, в конце 1896 года. На нем я плавал в водах Тихого океана до 1899 года, когда этот крейсер вернулся обратно в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание. В 1900 году я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания главная задача была часто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время; писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти южный полюс; но я так а не попал в плавание на южном океане.

Алексеевский. Как протекали ваша служба по возвращении? Вы поступили в Академию?

Колчак. Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 года в Петроград, я затем в декабре ушел опять на восток, уже на линейном корабле, на броненосце «Петропавловск». Лето и проплавал в морском кадетском корпусе на крейсере «Князь Пожарский» и ушел на Дальний Восток.

Когда я в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на «Ермаке» в свою первую полярную экспедицию. Я просил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, – меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны китикового промысла на Командорские острова, к Беринговому морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии.

Но тут произошли большие изменения в моих планах. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля³ принять

³ Известный путешественник, руководитель русской полярной экспедиции, ор-

участие в организуемой Академией Наук под его командованием северной полярной экспедиции, в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля. Ему нужно было трех морских офицеров, и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию Наук участвовать в этой экспедиции. Предложение это я принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце морское министерство меня откомандировало в распоряжение Академии Наук.

организованной в 1900–1902 г. Рос. Акад. Наук для обследования Ледовитого океана в районе Ново-Сибирских островов и острова Бенетта. Экспедиция вышла из Петербурга на судне «Заря» 8-го июня 1900 г. (Колчак ошибочно указывает июль), прошла Ледовитым океаном через Карское море и зазимовала в западной части Таймырского пролива, занимаясь изучением Таймырского полуострова. Следующая зимовка уже была на о. Котельном, после чего весной была обследована группа Ново-Сибирских островов. Весной 1902 г. Толль с астрономом Зеебергом пробралась на нартах к острову Бенетта, оттуда они уже не вернулись. Организованная Колчаком экспедиция по розысканию барона Толля только констатировала его гибель.

Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога экспедиции. Там был специалист по магнитологии – Зееберг, и мне было предложено в качестве его помощника заняться и этим. Для того, чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 году. С самого начала я работал на петроградской Физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толля. Он научил меня работать по новым методам.

Алексеевский. Вы не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится с вами в сношениях?

Колчак. Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Барон Толль погиб вместе с Зеебергом, д-р Вальтер умер, с зоологом Бируля я до войны постоянно поддерживал

связь; где теперь Бируля, — я не знаю. Затем был еще один большой приятель, товарищ по экспедиция, Волосович⁴, который потом стал геологом; где он находится теперь, — я тоже не знаю. Из офицеров там был Коломийцев, он, кажется, здесь, в Иркутске. Виделся я с ним, когда в 1917 г. он опять уходил к устью Лены. Экспедиция ушла в 1900 году и пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельном; затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам все не удастся пробраться на север от Ново-Сибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было таково, что мы могли проникнуть только к земле Бепетта. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и ушел. В виду того, что у нас кончалась Запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он расчи-

⁴ Волосович — геолог, впоследствии принимавший видное участие в изучении Якутского края и Северного океана. Руководил в 1908 г. экспедицией, снаряженной Академией Наук, для раскопок мамонта и исследования побережья Ледовитого океана между Леной и Индигиркой в геологическом отношении. В 1910 — 12 г. принял участие в гидрографической экспедиции министерства торговли и промышленности.

тывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весной, барон Толль ушел от нас о Зеебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Бенетта, но это нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходила северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход «Лена» и снял всю экспедицию с устья Тиксти. Коллекции были перегружены на «Лену», и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 года прибыли в Петроград. На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду, и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Бенетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на «Заре» это сделать было невозможно (был декабрь, а весной надо было быть на Ново-Сибирских островах, чтобы исполь-

зовать лето), – «Заря» была вся разбита, – то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенетта и, если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, по другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и план барона Толля. Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия Наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где выбрал себе четырех спутников из мезенских тюлене-промышленников. Со мною согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции – Беличев и Железняков. Когда я приехал на съезд тюлене-промышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне четырех охотников, привыкших к плаванию во льду, и я с ними, с двумя матросами и четырьмя тюлене-промышленниками в декабре выехал обратно в Иркутск, чтобы здесь подготовить на севере все необходимое для того, чтобы немедленно уехать на Ново-Сибирские острова, которые я избрал как базу.

Я обратился по телеграфу в Якутск к одному политическому ссыльному, О.В. Ленину⁵, с которым я познакомился. Он занимался изучением Якутского края. Я обратился к нему, чтоб он за время моего отсутствия проехал на север подготовить вещи и собак для перехода на Ново-Сибирские острова. Он на это согласился и все выполнил. Затем из Иркутска я поехал в Якутск, не теряя нигде ни одного дня. Как можно скорее из Якутска поехал в Верхоянск, затем в Устьянск, где меня ожидал Ленин, который закупил собак; затем на собаках я поехал к устью Тиксти, взял с «Зари» один из хороших китобойных вельботов, на собаках протасил обратно в Устьянск и в начале мая вместе со своими шестью спутниками, Лениным и партией местных якутов и тунгусов, которые были как каюры, с транспортом 160 собак, вышел из Устьянска на остров Котельный. Я перебрался на Ново-Сибирские острова, вышел у мыса Медвежьего, около острова Котельного. Этот переход на Ново-Сибирские острова я делал в мае месяце. Там началась уже таль, разлив рек, и затем я остался ожидать вскрытия моря. Я оставил запас провизии; больше не мог взять с собою, взял на три месяца, мне надо было прокормить людей, собак и приберегать на обратный путь. Тогда мы разделились, – Ленин с туземцами остались летовать на островах и заниматься

⁵ П. В. Ленин, – политический ссыльный в Якутске. Занимался изучением Якутского края, участвуя во многих экспедициях и командировках от Академии Наук. Одно время был консерватором музея Якутского отдела географического общества.

охотой для того, чтобы приготовить мяса. Часть собак пришлось убить, часть этой партии с собаками осталась на летовку на Ново-Сибирских островах, а я с шестью спутниками остался на мысе Медвежьем ожидать вскрытия моря и занимался главным образом охотой, чтобы прокормить себя. Затем, в июле месяце, море вскрылось, и я на вельботе, который был там подготовлен, с шестью спутниками, в тот же день, как только лед тронулся от берега, пошел вдоль южного берега Сибирских островов и вдоль Котельного, направился в Благовещенский пролив, между островами Новой Сибири. Затем, пробираясь через этот пролив, я вышел на северо-западную часть Новой Сибири, – это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан на землю Бенетта. Затем, передохнув на Новой Сибири, мы отправились дальше на север. В противоположность предшествующему 1902 году, когда все море в этом месте было забито льдами, я встретил совершенно открытое море; не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезть на него и отдохнуть. Приходилось сидеть все время в шлюпках, а все время был свежий ветер. Наконец, мы добрались до земли Бенетта 5-го августа, на Преображение, – этот мыс я назвал мысом Преображенским, – и высадился на остров Бенетта. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толля. Мы нашли груды камней, в которой находились бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там на-

ходятся документы. Руководствуясь этим, мы очень скоро, в ближайшие дни, пробрались к тому месту, где барон Толль со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толлем, а затем тот краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толла. Он говорил, что барон Толль прибыл в 1902 году летом на остров Бенетта, где он, в конце концов, решился сначала зимовать, так как уже было поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там, — это попытка охоты. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но сделать это им не удалось. Поэтому барон Толль сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весной, с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна, и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придется умереть там с голоду. Тогда, в конце ноября 1902 года, барон Толль решился на отчаянный шаг — идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40° , когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться совершенно почти невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке, в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его кончается такими словами: «Сегодня отправились на юг; все здоровы, провизии на 14 дней». Пар-

тия, конечно, вся погибла. Тогда я увидал, что моя задача разрешена, что Толль ушел на юг, значит, оставалось сделать последний переход на Сибирские острова и осмотреть все склады, которые были там заложены, чтобы узнать, не оставался ли где-нибудь барон Толль. Эту задачу частью выполнял Оленин. Затем я в августе отправился обратно, на Ново-Сибирские острова. Осмотрел по дороге склады, которые были заложены. Все было цело, никаких признаков возвращения барона Толля не было. Факт его гибели остался почти несомненным. Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту около мыса Медвежьего острова Котельного. Был конец августа и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в октябре я перешел обратно на материк, в Устьянск. Все спутники мои остались живы. Оленин выполнял свою задачу, сохранил собак без крайних лишений. Мы вернулись все, не потерявши ни одного человека. Оттуда мы обычным путем поехали в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903 году. В декабре месяце я ушел из Устьянска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск, как раз накануне объявления русско-японской войны. С тех пор я с Олениным не видался до прошлого года в Харбине; он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

Алексеевский. Он был политический ссыльный или уголовный?

Колчак. Он был политический ссыльный. Он студент Московского университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, — к научному авантюризму. Его интересовал край, и, когда он получил амнистию за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутск.

Алексеевский. А с другими ссыльными вы в Якутской области не входили в сношения?

Колчак. Я встречался с ними в Верхоянске и в Устьянске, но не завязывал отношений, потому что я бывал временно; близко я ни с кем не знакомился, потому что я везде бывал по несколько дней. Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим Флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию Наук с просьбой вернуть меня в морское ведомство и обратился в морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в тихоокеанскую эскадру, для участия в войне. Затем, так как Оленин был в курсе всех дел экспедиции, я ему смог сдать все дела, людей, заботы о них, затем ценности, многие научные коллекции, которые он главным образом составил, и со всем этим поручить ему ехать в Петроград для доклада в Академию Наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпустить, но, в конце концов, после некоторых колебаний, президент Академии, в. кн. Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился,

устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство, а тут я получил приказание поехать в Порт-Артур. Тогда я выехал и Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом – должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала; затем наступила война, и я решил, что надо жениться. Здесь, в Иркутске, я обвенчался, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Беличевым, сказавшим, что он пойдет со мною дальше. Поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур, примерно, в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначал на крейсер «Аскольд», так как, по его мнению, мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец; он упорно не хотел назначить меня на минные суда. На этом «Аскольде» я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адмирала Макарова я был назначен на очень короткое время на минный заградитель «Амур», а затем на миноносец «Сердитый», в качестве командира. На этом миноносце, после того как я вступил в командование, я не рассчитал своих сил, которые уже за все это время были подорваны, – я получил очень тяжелое воспаление легких, которое меня заставило слечь в госпи-

таль. Там я провел около месяца; затем, в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени. К осени у меня снова начали сказываться последствия моего пребывания на крайнем севере, а именно – появились признаки суставного ревматизма.

Алексеевский. Значит, вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

Колчак. Нет, в выходе эскадры я участвовал. Я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал, – шел другой отряд. Мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре. Затем я осенью видел, что мне становится на миноносце все хуже и хуже. После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный Фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура, и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался японский крейсер «Такасаго». Результат пребывания на севере – ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный Фронт, заставили меня в сентябре просить назначения на сухопутный Фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный Фронт. Я вступил

в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном Фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня, и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20-х чисел декабря, когда крепость пала. Когда была сдача крепости, я уже еле-еле ходил, но держался еще, и когда было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, так как у меня развился в очень тяжелой Форме суставной ревматизм. Я был ранен, но легко, так что это меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме тяжело раненых и больных, я же остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца, когда я начал уже несколько оправляться. Оттуда нас отправили в Дальний, а затем в Нагасаки.

В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное Французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку отправился в Россию. Это было в конце апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствова-

ла комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне четырехмесячный отпуск для лечения на водах, где я пробыл все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Все мои труды по гидрологии и магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осенью 1905 года занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в Физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом. Затем в Географическом обществе я получил научную высшую награду за свои последние экспедиции – большую Константиновскую золотую медаль.

Эта работа продолжалась до января 1906 года. Я привел до известной степени в порядок и передал в переработку специалистам свои научные труды по этой экспедиции.

В 1906 году, в январе месяце, произошли такого рода обстоятельства. После того, как наш Флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решили заняться самостоятельной работой, чтобы снова подвинуть дело воссоздания Флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех,

который выпал на долю Флота в этом году, возродить Флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор. В сущности, единственным светлым деятелем Флота был адмирал Макаров, а до этого времени Флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность его была не военная и не серьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего Флота и морского могущества.

Группа этих морских офицеров, с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок, полуофициальный. Так нам было предоставлено в Морской Академии помещение; средства кое-какие морское министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого военно-морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания Флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов, мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания морского генерального штаба, т.-е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой Флота к войне, чего раньше не было: был морской штаб, который ведал личным составом Флота, — и только. В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин; затем к нему присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка. К поданной записке отнеслись очень сочувствен-

но, и весной 1906 года было решено создать морской генеральный штаб. План этот был одобрен, и весной, приблизительно в апреле 1906 года, он был осуществлен созданием морского генерального штаба. В этот штаб вошел и я, в качестве заведующего балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, охватывающий приблизительно 1906, 1907, 1908 г.г., – период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение Флота. В основание всего этого дела морским генеральным штабом была выдвинута морская судостроительная программа, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, при чем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем.

Таким образом, прежде всего была выдвинута планомерная судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена морским генеральным штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда морской генеральный штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего штаба стоял адмирал Брусилов⁶, а там генерал Палицын⁷. Это был единственный

⁶ Брусилов, Лев Алексеевич. В 1906 г. – капитан I ранга. В 1907 г. был произ-

период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно. Это был период изучения общей политической обстановки, и еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. – совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 году, указывало на то, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать.

После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического, было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключать будет нельзя, а что эта война должна будет решить, в конце концов, вопрос о славянстве: быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходилась с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была поло-

веден в адмиралы.

⁷ Палицын, Федор Федорович, ген. От инфантерии. Начальником штаба с 1905 по 1909 год; после него был назначен ген. от инфантерии А. З. Мышмаевский.

жена в основание, показывала, что война произойдет против союза срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определений начала ее ошибались только на полгода. Да и то немцы и сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов, с Государственной Думой, которая принимала в этом деле большое участие. В этот период 1906–1907 гг. различные политические группы, политические организации – все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там, часто ставились вопросы о надводном и подводном Флоте, и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Государственной Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались Флота.

Алексеевский. Были ли среди офицеров Флота морского ведомства сторонники союза с Германией, хотя бы по со-

ображениям чисто профессиональным, техническим?

Колчак. Я могу указать на Бернса, который был тогда нашим агентом в Германии и который теперь в Советской России (кажется, после Альтфатера он выполняет обязанности командующего Флотом). Он был определенным сторонником союза с Германией, указывая, что разрывать с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют могут быть разрешены удовлетворительно, и что, наоборот, союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы, может быть, помните одну книгу военно-политического содержания, сочинение Вандалья: там проводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на два лагеря: один – германской ориентации, и другой – союзнической ориентации. Крупными противниками этой точки зрения были адмиралы Эссен и Непенин⁸. Адмирал Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения. Непенин был также их противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской ориентации. Большинство склонялось к союзнической ориентации, так как всем было видно, что приготовления Германии к войне идут, что она готовится к войне именно с нами, о чем ясно говорили добытые документы. Конечно, мог-

⁸ Адмирал Непенин. Во время Февральской революции был командующим балтийским Флотом. 4 марта был убит восставшими матросами.

ли быть ошибки, конечно, такие вещи легче говорить пост-фактум, но тогда для меня, например, один Трейчке стоил откровения, так как дело говорил об отношении к нам Германии. Я думаю, если у меня и были минуты колебания, то Трейчке их уничтожил. Ведь Трейчке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

Алексеевский. Таким образом, новому морскому генеральному штабу приходилось составлять программу в смысле борьбы с Германией?

Колчак. Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен, как Германия. Новая судостроительная программа была принята и представлена в Государственную Думу, но здесь произошли крупные события. Совершенно неожиданно морским министром был назначен Воеводский, предшественник его Диков относился к этому довольно безразлично и не противодействовал этой работе. Тогда у морского генерального штаба явилась большая идея: будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является образцовой, и оба генеральные штаба, – и сухопутный, и морской – стремились к созданию положения генеральных штабов, как независимых органов, подчиненных только верховной власти, а не министру. Это вызвало, смену Палицына,

и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов. Но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенденций, бывших в морском генеральном штабе. Министром был казначеи Воеводский, который почему-то начал борьбу с Государственной Думой именно на почве этой судостроительной программы. Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Государственной Думой в то время, когда дело уже налаживалось. Между тем время шло и не ждало, по нашему убеждению, и программу надо было проводить. В конце концов, Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом, целью нашего существования, в том числе и на меня, это произвело ужасное впечатление. Я был одним из главных составителей программы, большую часть ее я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Государственную Думу, к Гучкову и другим членам Государственной Думы. Я старался это сделать возможно быстро, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя. Тогда я сказал себе, что при таких условиях, когда эта программа морского министерства не могла быть проведена из-за разногласий, которые были для меня непонятны, из-за какой-то борьбы, которую вел морской министр с Государственной Думой, – оставаться в генеральном штабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя поделать, и потому решил оставить военную работу и вернуться к прежней научной деятельности. Воеводский, бу-

дучи назначен министром, начал изменять и переделывать эту программу, задерживать запросы, которые делались Государственной Думой и которые были необходимы для решения вопросов, и т. д. Почему он это делал, было совершенно неизвестно, но вред этим делу был нанесен ужасный. В конце концов, это отразилось тем, что программу не выполнили к тому сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена. Вначале эта программа была тем, что было известно под именем «большой программы». Затем она распалась на два проекта – большой и малый. Это было делом Воеводского. На меня это подействовало самым печальным образом, и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать, и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал работать над этим делом и начал читать лекции в Морской Академии, которая была тогда образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе. В это время начальник главного гидрографического управления Вилькицкий (я его хорошо знал, так как он был полярный исследователь, а он меня хорошо знал и сочувствовал всей моей деятельности) предложил мне организовать экспедицию для исследования северо-восточного морского пути из Атлантического океана в Северный океан вдоль берегов Сибири. Встретившись и поговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в генеральном штабе, я разработал проект этой экспедиции и подал Вилькицкому. При разработке вопроса, как выпол-

нить эту экспедицию, я, на основании всего предшествующего опыта полярного плавания, на основании опыта плавания здесь на севере, остановился на организации новой экспедиции на стальных судах ледокольного типа, конечно, не таких, которые могли бы ломать полярный лед, так как опыт «Ермака» показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна. Но опыт показал, что конструировать судно, которое выдерживало бы давление льдов, вполне возможно, что это затруднений не вызывает и что, конечно, легко достроить стальное судно большой вместимости, которое во всяком случае не будет уступать «Фраму», построенному Нансеном из дерева и только снабженному стальной обшивкой. Я считал необходимым иметь два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов, в 1908 году главное гидрографическое управление выступило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о северном морском пути из Тихого в Атлантический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в штабе, принимал в разработке этого проекта активное участие. Все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник Маттисен⁹. Решено бы-

⁹ Маттисен – морской офицер участник экспедиции в полярн. страны, изучавший условия плавания в низовьях и устье реки Лены и океанского побережья. Умер в 1922. г.

ло построить два ледокольных стальных суда, которые были названы: «Таймыр» и «Вайгач». Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от генерального штаба.

Кружок офицеров продолжал функционировать до последнего времени, и я продолжал работать в качестве председателя этого кружка. Я смотрел на этот кружок, главным образом как на образовательный, имеющий целью поднять уровень военного образования в офицерской среде. Там делались интересные доклады, производились научные работы и т. д. Решив заняться всецело делом экспедиции, я в 1908 году ушел из генерального штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих судов на невском судостроительном заводе. В 1909 году суда были спущены, и мы осенью ушли на Дальний Восток, с тем, чтобы летом 1910 года пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова. Я командовал «Вайгачем», «Таймыром» же командовал сначала Маттисен. Это были суда ледокольного типа. Идея их состояла в том, чтобы лед не ломал и не давил их. Поэтому они обладали чрезвычайно сильным корпусом и сравнительно слабыми машинами, так как главный вопрос в данном случае, это – большой радиус действия, а ледокольного типа суда учитывают эту идею ударов и сжатия льда. Таким образом во второй половине 1909 года мы ушли на Дальний Восток и через Средиземное море и Индийский океан весной 1910 года прибыли во Владивосток. Так как мы

пришли во Владивосток уже поздно, то главным гидрографическим управлением была поставлена нам задача пройти в этом году Берингов пролив и обследовать район этого пролива, имея основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений мыс Дежнев, и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку, а в следующем году идти дальше. Мы ушла из Владивостока и выполнили эту задачу. Вышли за Берингов пролив по направлению к мысу Дежнева.

Экспедиция была очень хорошо оборудована для этой цели, в особенности «Вайгач», который был оборудован специально для картографических работ. Я главным образом работал по океанографии и гидрологии. Осенью мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта, с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток я получил телеграммы от того же Воеводского, бывшего морским министром, и начальника морского генерального штаба кн. Ливен. Ливен был начальником генерального штаба после Брусилова и, несмотря на свое немецкое происхождение, был страшным противником немцев. В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петроград и продолжать мою работу в морском генеральном штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало производить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания, я дал свое согласие на возвращение.

В 1910 году я оставил экспедицию и вернулся. У меня опять явилась надежда, что, может быть, удастся дело на-
править. Поэтому я вернулся в морской генеральный штаб
и был снова назначен на то же место заведывающего бал-
тийским театром. Меня все это время замещал мой помощ-
ник, и я принял дело почти в прежнем состоянии, так как за
время моего полугодового отсутствия там ничего не дела-
лось. Я прибыл в Петроград зимой 1910 года и оставался
там 1911 год до весны 1912 года. В штабе я главным обра-
зом работал над деталями судостроительной программы и ее
реализацией, установкой нового типа судов и вообще ведал
всею подготовкой Флота к войне. По этой должности я на-
ходился в очень тесной связи с адмиралом Эссеном и шта-
бом командующего балтийским Флотом, так как мне при-
ходилось постоянно ездить туда. Мне приходилось прини-
мать участие в маневрах, рассматривать задания для мине-
ров и т. д. Таким образом, я находился в тесной связи с бал-
тийским Флотом. Та должность, которая в сухопутном ве-
домстве носит название квартирмейстера, во флоте носит
название флаг-капитана по оперативной или хозяйственной
части. Таким флаг-капитаном по оперативной части в шта-
бе адмирала Эссена был Альтфатер, с которым я находил-
ся постоянно в связи на работе по подготовке Флота к вой-
не. В 1912 году адмирал Эссен заявил мне, что он хотел бы,
чтобы я поступил в действующий Флот. Меня самого очень
тяготило пребывание на берегу, я чувствовал себя усталым,

и мне хотелось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было легче. Я это откровенно высказал; заявил, что главную задачу я выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное дело шло дальше. Последнее, что я сделал, это было участие в разработке деталей нового типа огромных крейсеров – типа «Кинбурн», но они опоздали. В 1912 году я ушел из морского генерального штаба и поступил в минную дивизию командиром эскадренного миноносца «Уссуриец». Я командовал «Уссурийцем» год, затем был в Либаве, где была база минной дивизии. Через год адмирал Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по оперативной части у него в штабе. При адмирале Эссен, который держал свой флаг на броненосном крейсере «Рюрик», состоял в его распоряжении один из лучших эскадренных миноносцев «Пограничник». Он состоял непосредственно в распоряжении адмирала Эссена, который на нем ходил постоянно по Балтийскому морю. Я, будучи флаг-капитаном в штабе Эссена, в то же время был командиром «Пограничника». Адмирал Эссен все это время был то у меня на «Пограничнике», то на «Рюрике». В этой должности командира «Пограничника» я оставался год, в должности же флаг-капитана оставался и на войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.